

С.П. Петрунина

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ШУМ В УСТНОЙ СПОНТАННОЙ КОММУНИКАЦИИ: СЛОВА-ПАЗИТЫ

Томский государственный университет

Общенаучные представления из теории информации и связи позволили выдвинуть следующую дедуктивную по логическому выводу и простую по форме языковую универсалию: «Все естественные языки обладают свойством избыточности в передаче информации» (список универсалий см. в [1, с. 182–222; 2, с. 332–340]; классифицирующие признаки универсалий см. в [3, с. 247–274]). Под избыточностью понимается, во-первых, предсказуемость тех или иных элементов поступающей информации в результате дублирования некоторых компонентов передаваемой информации; во-вторых, информационный шум (или спам – от англ. spam, если использовать язык современного компьютерного мира, что значит *сетевой*, шире – *информационный мусор*), избыточный уже в силу своей ненужности и неоправданности.

В первом случае избыточность проявляется в предсказуемости как содержательной, так и грамматической информации. Избыточными являются, например, значения лица и числа в двусоставных предложениях с подлежащим-местоимением 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа: *я строю дом, ты строишь дом, мы строим дом, вы строите дом*. Дважды выражены значения рода, числа, падежа в словосочетаниях *большой дом, большая комната, большое здание* и т.д. Дублирование грамматической информации «позволяет уже по началу (или обрывку) высказывания... *вижу большого...* понять, что речь идет об одушевленном объекте (иначе было бы *вижу большой...*), мужского пола (иначе было бы *вижу большую...*) и именно об одном объекте (иначе было бы *вижу больших...*)» [3, с. 37].

Грамматическая избыточность может быть нормативно оправданной и не оправданной; к последней относятся, например, случаи гиперхарактеристики: *самый наилучший, более красивее*.

Грамматической избыточности противопоставляется содержательная избыточность, характеризующаяся тем, что дважды повторяется содержательная информация, например, в случае семантического согласования: *птица летит, змея ползет* [4, с. 380]. Или: *Тебе совершенно все равно, почему: солнце – всходит, месяц – убывает, черт, например – скачет...* (М.И. Цветаева. «Черт»). Содержательная избыточность, так же как грамматическая, может быть оправданной и неоправданной: *местные аборигены, ответная контракта, поленица*

дров, рыбная уха, май месяц и подобные тавтологии, относимые к речевым дефектам.

В случае информационного спама речь идет о явлениях хезитации (англ. hesitation – «колебание, нерешительность»), к которым относятся, в числе прочего, слова-паразиты, свойственные устной спонтанной коммуникации. В отечественном языкознании эта проблема была поставлена Т.М. Николаевой в [5].

В научной литературе слова-паразиты изучаются в разных аспектах: в рамках исследования разговорной речи (О.Б. Сиротина [6], Е.А. Земская [7]) как лишние, «пустые» слова, которые можно опустить без изменения смысла высказывания (хотя это справедливо и по отношению к частицам, модальным словам); как средство ритмической организации речи (Н.Н. Розанова [8]); с точки зрения их функциональной нагруженности в дискурсе (А.Д. Шмелев [9], Ю.В. Дараган [10]); в аспекте лингвоэкологии и лингвокультурологии (А.Д. Васильев [11], О.В. Трофимова [12], Н.Н. Шардакова [13]); в сопоставительном с другими языками плане (Е.Э. Разлогова [14]), как результат частеречной транспозиции и десемантизации (Т.И. Антонова [15], А.Н. Иванова [16], Е.М. Федорова [17]).

Определение паразитирующих элементов считается, как правило, интуитивно понятным; лишь в указанной статье Е.Э. Разлоговой оно дано в эксплицитной форме: к ним автор относит те слова и выражения, «которые могут употребляться в спонтанной речи достаточно большого числа говорящих с неоправданно высокой с точки зрения слушающего частотой» [14, с. 158], при этом «неуместны они не своей семантикой, а именно своей частотой» [14, с. 156].

Появление и активность тех или иных слов-паразитов обусловлены рядом факторов (в статье их список открыт). Так, выдвижение общественно значимого концепта эпохи диктует моду на отдельные слова, которые становятся символами этого концепта и этой эпохи. В постсоветское время, например, «стало необходимо отказаться от тоталитарной категоричности оценок, уйти от них к «амбивалентности». Это стремление вызвало нерегулируемое и очень быстрое распространение слов-ограничителей. Сложилась речевая манера вкрадчивости, неутверждения, условности...» [18, с. 22], способствующая актуализации концепта «неопре-

деленности». Его символом стала частица ирреального сравнения *как бы*, быстрое распространение которой приняло эпидемический, болезненный, паразитирующий характер. «Какбизм» сменил, таким образом, «КаГэБизм». См. примеры из СМИ, приводимые А.Д. Васильевым в [11]:

Чечня ведет независимую как бы политику... (В. Зорин, председатель комитета Государственной думы. В мире людей. ТВ-6. 10.12.98);

Сегодня как бы коммунисты, почувствовав волну настроений... (А. Чубайс. Вести. РТР. 8.11.98);

Я буду с вами в этом смысле как бы откровенен (Б. Березовский. Итоги. НТВ. 19.11.96).

Характерна также языковая рефлексия знакомого автору статьи стоматолога:

Может быть, какая статья есть про «как бы»? Я бы ее проработала с коллективом. А то наши врачи с пациентами – «как бы», между собой – «как бы», совещания в области (т.е. в областном центре) – и там «как бы» да «как бы»!

Подчеркнем, что действие экстралингвистических факторов невозможно без внутрисистемных закономерностей, связанных с расширением сочетаемости слова и семантическими сдвигами в его значении (на примере признаков слов *достаточный*, *достаточно* об этом пишет О.А. Лаптева в [18]).

В настоящее время, по мнению Е.Э. Разлоговой, «на смену поколению «как бы» приходит поколение «типа» [14, с. 158], что отражает лабильность слов-паразитов и их быструю изменчивость во времени. Приведем примеры своих наблюдений над разговорной речью:

– *А ты тупа красавец?* – *А я тупа разборчивый;*

Ну ты тупа, Надёк, замути мне фишку;

Тупа «типа» – это слово-паразит, но я без него не могу (из речи молодежи);

Не обременен, не остепенен, не «обзаслужен». И слава Богу! Нет, кроме шуток. Тупа – искренне (М. Пекарский. Сюита зеркал. Музыкальная жизнь. 2003. № 2).

Характерно, что во французском языке «таким словам и выражениям, как *типа*, *типа того что*, *как бы*, трудно подобрать эквивалент, тем более потенциально сверхчастотный. Такая «жизнь во мгле» и проблема ухода от ответственности вряд ли являются предметом особой озабоченности франкоговорящих» [14, с. 167].

В актуализации лексем «паразитирующего» ряда значимы также профессиональные предпочтения (например, *да* и *так* в речи учителей). Последнее иллюстрируется Корнеем Чуковским в описании урока Закона Божьего в гимназии:

У вас, батюшка, – сказал я любезно и вкрадчиво, – есть привычка часто говорить «да-да-да».

И вот мне захотелось подсчитать, сколько раз в течение урока... Мелетий не дал мне договорить и, ухватив свою бороду, стал яростно вырывать из нее волоски. <...> Он говорил, что он служителю алтаря – да-да-да! – и не допустит – да-да-да! – чтобы всякий молокосос – да-да-да!.. Говорил он долго и <...> потребовал, чтобы я немедленно вышел из класса (К.И. Чуковский. «Серебряный герб»).

См. также примеры из разговорной речи учителей:

Понятие «биосфера», так, впервые ввел Ламарк. А Вернадский, так, создал учение о ноосфере, так сказать;

А потому что, в результате, ничего учить не хотите, да! Экзамены на носу, да, надо хотя бы элементарное, да, знать;

Эти такты, да, их мягче играть надо... Видишь, здесь piano стоит... А ты бьешь по клавишам, да... Так все одинаково будет... Скучно, да (пример Е.Э. Разлоговой).

Очевидно, профессиональные предпочтения оказались созвучными значению «согласия с мнением собеседника» у *да* и *так* [19]. Отсюда излишняя категоричность и безапелляционность учительской речи, что в целом способствует манипуляции сознанием обучающихся.

Лексемный состав «паразитирующего» ряда зависит и от уровня образованности говорящего, определяющего тип его речевой культуры (см. выделение 3-х основных типов речевой культуры в пределах литературного языка: элитарной, общелитературной и литературно-обиходной в [20, с. 6–9]), от принадлежности говорящего к той или иной социально-функциональной сфере общения. Ср., например: 1) литературное, принадлежащее, как отмечал В.В. Виноградов, «интеллигентной речи» *так сказать* и просторечное *короче* – модальные слова, относимые им к разряду оценки стиля и способа выражения; 2) *знаешь(те)*, *понимаешь*, относящиеся к разряду модальных слов, свойственных диалогической речи и заключающие в себе призыв к собеседнику, стремление возбудить его внимание к чему-либо [21, с. 606] и *слушай сюда*; 3) «неуверенное» *как бы* и *если(в) чё*, в котором неуверенность *как бы* трансформируется в настороженность говорящего и ожидание – на всякий случай – худшего. См. примеры:

1) *так сказать* – *короче*:

Надо, так сказать, председателем ГАКа приглашать заслуженных учителей города. Все-таки мы, так сказать, педагогический вуз. – Короче, вчера я была в поликлинике. Дали, короче, на УЗИ. Теперь сотню в кулак и, короче, в гинекологию.

2) *знаешь(те)*, *понимаешь* – *слушай сюда*:

Она, знаете ли, в течение семестра ничего не

делала, а на экзамене, **знаете ли**, столько претензии, столько, **знаете ли**, амбиций. – Я не матерюсь, я нормально говорю... Вася, да ты **слушай сюда!** Он мне говорит, что зарплату платить не будет, да ты **слушай сюда!**

3) как бы – если(в) чё:

Завтрашнюю лекцию я **как бы** сняла, но все равно мне ее **как бы** придется восстановить; Здесь мы ставим **как бы** запятую, хотя можно **как бы** и тире. – Звони мне, **если чё**; **Если чё**, приходите; Ну деловая колбаса ваша Лариса Петровна! У нас, **если чё**, со своей бумажкой ходят; Деньги, **если чё**, надо сразу готовить, а то столпились, **если чё**, в проходе!

Слова-паразиты могут не иметь жестких социально-стилистических ограничений; например, как бы, по предположению А.Д. Васильева, тиражировано телевизионным свертхтекстом в просторечье. «Жительница Новосибирской области констатирует: «Если огорода нет, на зарплату как бы не проживешь» [Время. ОРТ. 4.1.98]. Другой интервьюируемый, несовершеннолетний красноярский вор-карманник, журналистке, спросившей у него: «Почему воруешь?», объясняет: «Потому что без денег невозможно как бы жить» [Русские вечера. КГТРК, 15.9.97]» [11, с. 95].

Лексемный состав класса слов-паразитов имеет свои особенности и в диалекте. Рассмотрим их с опорой на классификацию Е.Э. Разлоговой, которая делит слова-паразиты – с точки зрения говорящего и слушающего – на 1) слова, в которых преобладает элемент самовыражения; в этом случае говорящий сообщает сведения о себе, о своих состояниях (*не знаю, блин, черт, ну и др.*); 2) слова, предусматривающие непосредственное воздействие на собеседника (*понимаешь, знаешь, знаете, это, вот, там, да*); 3) слова, занимающие промежуточное положение, равноудаленное от говорящего и слушающего.

Круг диалектных слов-паразитов является ограниченным, довольно постоянным, что обусловлено замкнутостью диалектного социума, его приверженностью традициям, но не моде, консерватизму, но не новаторству. Он представлен, во-первых, словами, призванными воздействовать на слушателя: *это (ето, енто, евто)*, *этого (етого, ентого, евтого)*, *вот (от, эвот)*, *там (тама, там-ка, тамо-ка, тамот-ка, тамкость, тамокось, тамоткот, тамочка)*. Воздействующая стратегия на слушающего обусловлена указательным значением местоимений и частицы. С их помощью говорящий моделирует ситуацию, имевшую место в ином пространственно-временном измерении, «сближает ситуацию-тему с ситуацией текущего общения» [22, с. 26], совмещает вербальный ряд с «видеотекстом», сохраненным в памяти. Тем самым реализуется такое

качество диалектной речи, как изобразительность. Распространенность «дейктических» паразитов объясняется во многом спецификой того материала, с которым имеет дело диалектолог. Как правило, это бытовые рассказы о прожитом, монологические повествования о «делах давно минувших дней».

Приведем примеры диалектной речи, которую автор наблюдал в течение десяти лет диалектологических экспедиций (1981–1986 гг., 1993–1996 гг., 1998–2000 гг.) в селах Молчаново, Сулзат Молчановского района Томской области, Таргай, Малиновка Осинниковского района, Чумыш Прокопьевского района Кемеровской области (среднеобские говоры):

Ходила **вот** к людям. Людей **вот** зарабатывала. Приду, поработаю **там** у них день, а на следующий день **там** кто-то из них должен прийти к нам тоже **вот** помогать. Сродна **вот** сестра, это значит **вот** отцовой сестры дочка, приходила нам, **это**, помогать (Е.М. Антропова, 1903 г.р., Малиновка);

А **там** Филипповка, мясоеды разны. Дома **вот** все припасы вытаскиваш, стряпашь, жаришь, **это**, паришь. Из домов дак запах идет, люди **вот** друг другу прибаутки разны говорят. А сахара не было, никого конфет не было, большинство серу **вот** жевали. Комочки **там** нарежут и ходют, и два комочка на, **это**, на яичко меняют. Ходют **там** по улице, кричат: «Кому серу, кому серу!» – а мы выбегам с яичками, радостны (она же).

Прототипическое значение иллюстративности, наглядности, примера, свойственное *это, вот*, приближает слушателя к действительности, «предоставляя ему в качестве закрепления связи с действительностью часто несуществующее наглядное подтверждение» [14, с. 161]. Инвариантные коннотации *там*, связанные с пространственной удаленностью, «увеличивают дистанцию между говорящим и содержанием его речи, что смягчает высказывание, делая его «ненавязчивым» [14, с. 161]. Ср.:

И от испуга я **вот** своих детей у бабок лечила. Приведу **вот** его, они посодят на порог, а над головой дак держат ковш с водой, а другой **вот** рукой льют туды воск растопленный, и там **вот** фигура в ковше образовывается. И так три дни сряду водила **вот** (В.И. Телечкина, 1920 г.р., Таргай);

Я вам **тама** молочка приготовила, попейте, ковды захотится. А хлебушко, дак его купить **там-мот-ка** надоть. А ноги не идуць. Можса, ты сбегаешь? (К.М. Сычева, 1913 г.р., Малиновка);

Ты тут посиди, а я **там** сбегаю к Антонихе. Антониха в Молчанову **вот** ездила за мимийё (мумие), обещалась **там** отципнуть маленьки (Е.И. Нечталюк (Рубцова), 1910 г.р., Сулзат).

Вторая группа слов-паразитов, представленных в диалекте, – это «эгоцентрические» паразиты,

предполагающие направленность на себя. В них, в свою очередь, можно выделить «поисковые» хезитативы и экспрессивы. «Поисковые» хезитативы это (это, енто, евто), это самое, как это, этот (этот, ентот, евот), этого (этого, ентого, евтого), вот этого, того, тоё обслуживают ситуацию поиска, когда говорящий подыскивает, вспоминая, нужные слова. Характерна их выраженность указательными местоимениями, что свидетельствует, как отмечает Е.Э. Разлогова, о вовлеченности в поиск и собеседника:

У мамы нас было одиннадцать душ. А ведь, это, понятно, как можно жить, еслив столь народу. С нами, это, еще дедушка с бабушкой, отцовы родители, это, жили. Подружек у нас всегда много в доме было. Вот как соберутся, прямо, это, целый колхоз. Папка у меня хозяйством занимался, ну, и мы, кто, это, постарше, ему помогли (Л.М. Терханова, 1916 г.р., Малиновка).

Экспрессивы в диалектной речи чрезвычайно разнообразны. Это разнообразие обратно пропорционально их частотности (одного из обязательных признаков слов-паразитов). Вместе с тем на фоне этого разнообразия своей частотой выделяются бранные междометия, в частности эвфемизмы *бля, мля, бляха, мать твою*.

Ну че ты, мать твою, застрял (о топоре, застрявшем в полене)? *Точил его, точил... Ну давай иди, мать твою!* (А.С. Уколов, 1924 г.р., Сулзат).

В связи с этим характерно воспоминание эстрадного певца Л. Барашкова об исполнении песни Ю. Визбора «Милая моя» во время гастролей по сибирской глубинке: «Бабочки-сибирячки все благодарят меня за эту песню: «Спасибочки, мил человек, спасибочки! Наши мужики всё «твою мать, твою мать!», а здесь – «милая моя, солнышко лесное!» (передача В. Пимановой «Кумиры» от 25.05.04).

Промежуточная группа слов-паразитов, равноудаленных от говорящего и слушающего, представлена модальным словом *однако* (*однакошь, однакося, однакоче, однако што*) и частицами *дак* (*дык*), *так*, *значит* (*значить, знача, значится*). Модальное *однако* (в значении «наверное, кажется, по-видимому») считается одной из ярких особенностей синтаксиса говоров Среднего Приобья [23, с. 53]. Оно является показателем «возможного отсутствия эквивалентности между действительностью и сказанным» [14, с. 162]. Употребляя *однако*, говорящий снимает с себя ответственность за произнесенное, так как в памяти о былом многое утрачивается, искажается; *однако*, таким образом, – это еще и извинение говорящего за огрехи памяти. Отсюда модалация экстенуальности (от лат. *extenuo* – «уточнить, разрезать, разжижать; уменьшать, смягчать»), смягчения, ненавязчивости, некатегоричности диа-

лектных текстов с *однако* [24, 25]:

Однако, в году тридцать шестым его забрали. Ага. Федька ишо маленький был, годов, однако, пять ли шесть. Не помню. Ну че? Жить-то надоть. Вот это тогды я, однако, Нюриных дитев приняла до кучи. А как же? Да кому ить они нужны, рты да жопы голые. Вот и взяла да (Е.И. Тарабрина, 1911 г.р., Таргай).

Инвариантное значение частиц *дак, так, значит* – связь между двумя пропозициями. Смысловая наполненность связи (то есть характер синтаксического отношения) определяется содержанием объединяемых фрагментов (предикативных и непредикативных единиц). Эти частицы характерны для нарративных контекстов:

*Валенки бросали через ворота. В каку сторону валенок носом упадет, там, значит, судьба твоя. Тольки пока все девчата валенки не побросают, никто **вот** смотреть не идет. А однажды парни решили посмеяться над нами, пособирали, значит, все пимы и спрятали. Мы **вот** пришли, валенок нет, а у нас с братом младшим валенки, значит, одни на двоих, и отец дома лежит. Хорошо, парни добрые были, отдали, значит, пимы и сами над нами посмеялись* (З.И. Мельникова, 1924 г.р., Таргай).

Таким образом, слова-паразиты в диалектной речи задают ту или иную тональность текста, являясь своеобразными знаками альтерации при ключе (если использовать музыкальные параллели). Как последние определяют тональность музыкального произведения, так и слова-паразиты маркируют модуляцию текста (изобразительную, поисковую, эмоционально-экспрессивную, смягченно-ненавязчивую), обусловленную коммуникативными стратегиями участников общения.

Диалектные и разговорные «паразитирующие» ряды отличаются не только набором входящих в них лексем, но и частотой их употребления. Объясняется это, видимо, разным темпом речи горожанина и жителя села. У последнего он медленнее, речь более напевная, плавная, «с дополнительным шажком», что позволяет обдумывать произносимое без частых хезитаций:

«Мама, ты кором сварила?» Слово «кором» обязательно именно так произносилось (в селах Туруханского района Красноярского края), *как и «пили-мени», с дополнительным шажком, с лишним окончем гласной, дающим дыхание слову, привыкшему к простору и не теряющему друг о друга спотыкающихся согласных* (М. Тарковский. Бабушкин спирт // Новый мир. 2004. № 6).

Характерно, что даже «поисковые» междометные хезитации в диалекте плавные, вокалические, без «спотыкающихся согласных»: *э-э-э*, но не *зм-зм, хм-хм* и под.

Спамы устной речи находят свое отражение в языке художественной литературы. Автор использует их, преследуя различные художественно-эстетические цели. С их помощью возможна стилизация речи персонажа, «паспортизация» его социальной, профессиональной, возрастной, гендерной принадлежности, уровня образованности:

Пошла это Нюрка ввечеру корову доить, а Иван дома остался. Ждет-пождет – нету Нюрки. Дай, думает, погляжу, не заснула ли. Заходит он это в хлев, а Нюрка... (В. Войнович. «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»);

– Слышь, что ли, сосед, – сказал он (Чонкин). <...> Ты это... ничего, не больно переживай. Я, это, война кончится, на тот год билизуюсь и тогда пухом этим и твой огород засодим, и Нюркин (там же);

– Ты, эта, девка, поезжай с Авдюшкой. А я тут шерсть приглядела... – глаза черные, так и бегают. Ну цыганка! – Я, эта, с трактиричиком ладиться буду... (Б. Можяев. «Мужики и бабы»);

– Ты уж, эта, девка, товар-то можешь здесь оставить. А сами-то поедем. Вон и лошадь готова... (там же).

Художник слова может использовать информационные спамы как художественный прием пародии, например, на мнимо-интеллигентную речь персонажа, горе-поэта Серафима Бутылко:

*– Я, **тык-скыть**, хотел бы вас познакомить... кое-что создал к завтрашней, **тык-скыть**, церемонии.*

*– Что значит **тык-скыть**? – поинтересовался Фигурин.*

*– Ну это я, **тык-скыть**, то есть в смысле «так сказать» говорю, – объяснил Бутылко, несколько смутившись (В. Войнович. «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»);*

*Можно, **тык-скыть**, как-нибудь в таком духе:*

Погиб Афанасий Миляга,

Но та-та в каком-то бою

Я тоже когда-нибудь лягу

*За Родину, **тык-скыть**, свою (там же)*

или как средство создания комического через эффект «обманутого ожидания» вследствие затянувшегося поиска нужного слова:

<...> Ну, я встаю, калган гудит, но, как положено, пилотку поправил, руку к виску... <...> «Товарищ

генерал, за время вашего отсутствия никакого присутствия не было». А он... <...> «Спасибо, сынок, за службу». И съмает с себя... ну, это...

– Штаны, – подсказали из-под пар.

– Дурак, – оскорбился Чонкин за своего генерала. – Не штаны, а этот... ну, круглый такой, ну, орден (там же).

Слова-паразиты служат созданию определенной тональности речи персонажа: эмоционально-экспрессивной, поисковой, изобразительной (см. Нюркино повествование), – смягченно-ненавязчивой «приправой», отражая его коммуникативные – эгоцентрическую или воздействующую – стратегии. См., например, монолог Петьки Краснова в произведении В.М. Шукшина «Петька Краснов рассказывает»:

*– Народу-у, **мля!**.. – У него какая-то дурацкая привычка: чуть ли не после каждого слова приговаривать «мля». <...> Заходил вечером в ресторан, берес саслык, а тут наяривают, **мля**, тут наяривают!.. <...> Атомный век, **мля**, – должна быть скорость. <...> А полезли куда-то на гору – я чуть не на карачках дополз, **мля**, ну – красота! Море!.. <...> Такое осюсение – все море поет, **мля**.*

Ср. беседу старухи Анны со своей подругой Миронихой в повести В.Г. Распутина «Последний срок»:

*– Да говори, – потеплела старуха. – <...> Ты думаешь, я осердилась, **ли че ли**, на тебя? <...> **Кажись**, и жили долго, а <...> не наговорелась. <...>*

*– Я, **однако**, вот че, – Мирониха привстала <...>. – Я, **однако**, сбегаю, досмотрю: может, она, страмина, пришла. <...>*

*– Это ишо в ту голодовку было. <...> Минька в ту пору на своих ногах бегал, а Таньчора, **однако**, ишо ползала. **Или пошла ли** – тепери и не скажу уж. <...> Че тебе говорить, ты, **подимте**, без меня знаешь, сама двоих подымала.*

Информационные помехи представлены в речи не только словами-паразитами, но и оговорками, ослышками коммуникантов [26, 27], неоправданными повторами, сменой кода сообщения и другими асистемными явлениями, которые при более пристальном взгляде на них обнаруживают свою системность, свои закономерности функционирования.

Литература

1. Успенский Б.А. Структурная типология языков. М., 1965.
2. Успенский Б.А. Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языка // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.
3. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. М., 2001.
4. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.

5. Николаева Т.М. Новое направление в изучении спонтанной речи (О так называемых речевых колебаниях) // Вопр. языкозн. 1970. № 3.
6. Сиротинина О.Б. Современная русская разговорная речь и ее особенности. М., 1971.
7. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблема обучения. М., 1987.
8. Розанова Н.Н. Суперсегментная фонетика // Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика и жест. М., 1983.
9. Шмелев А.Д. Слова-паразиты и их роль в построении дискурса // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург, 1998.
10. Дараган Ю.В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Тр. междунар. семинара Диалог. Т. I. М., 2000.
11. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003.
12. Трофимова О.В. Сочетание *как бы* в сверхтексте «Литературной газеты» // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995.
13. Шардакова Н.Н. Разграничение нормативного и ненормативного словоупотребления частицы *как бы* // Проблемы лингвистического образования. Ч. 2. Екатеринбург, 2002.
14. Разлогова Е.Э. К вопросу о специфических употреблениях модальных слов: слова-паразиты в русской и французской речи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филол. 2003. № 6.
15. Антонова Т.И. «В смысле...» // Русская речь. 1982. № 4.
16. Иванова А.Н. Слово *это* в письменной и устной речи // Русский язык в школе. 1982. № 2.
17. Федорова Е.М. Функционально-семантические варианты лексемы *так* в разговорной речи // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. Т. 1. Новосибирск, 2002.
18. Лаптева О.А. Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований (статья первая) // Вопр. языкозн. 2003. № 6.
19. Белошапкина В.А., Галактионова И.В. О видах выражения согласия // Русская речь. 1982. № 4.
20. Инфантова Г.Г. О типах речевых культур носителей литературного языка // Филология на рубеже тысячелетий. Вып. 2. Ростов н/Д, 2000.
21. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.
22. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 1997.
23. Блинова О.И., Палагина В.В., Федоров А.И. Инструкция для составления словаря русских народных говоров Сибири // Вопросы русского языка и его говоров. Вып. 3. Томск, 1975.
24. Петрунина С.П. Вводные единицы со значением персуазивности в диалекте // Функциональный анализ значимых единиц русского языка. Новокузнецк, 1992.
25. Петрунина С.П. Прагматика в словарном описании служебных лексем (на примере диалектного *однако*) // Русские говоры Сибири. Лексикография. Томск, 1993.
26. Петрунина С.П. Паронимические оговорки в диалекте // Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993.
27. Петрунина С.П. Оговорки в диалектной речи // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака. Новосибирск, 1996.

А.В. Курьянович

ИНВЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Томский государственный педагогический университет

Для современной лингвистики, коммуникативной по своей сути, чрезвычайно актуальной является категория речевого общения, глубокое изучение которой было начато М.М. Бахтиным, считавшим, что «событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [1, с. 303].

Категория общения с позиций речеведения представляется интерактивным процессом межличностной коммуникации посредством текстовой деятельности. С этой точки зрения основным в филологии последних лет видится исследование эффек-

тивности речевого общения. Изучением данной проблемы занимается, в частности, коммуникативная стилистика текста – научное лингвистическое направление, активно разрабатываемое на кафедре современного русского языка и стилистики ТГПУ под руководством профессора Н.С. Болотновой.

В данное время учеными обозначен целый ряд факторов, влияющих на степень эффективности речевого общения. В их число входят индивидуальные особенности личности коммуникантов и характер их взаимоотношений, специфика сферы общения, характер ситуации, цели и задачи вступаю-